

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лев Толстой и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

Н.В. Жиликова

**«Толстовские дни» в России и Томске в октябре – декабре 1910 года
(по материалам томской периодической печати)**

Известие о том, что великий русский писатель Л.Н. Толстой, чей юбилей Россия отметила в 1908 году, через два года тайно покинул свой дом в Ясной Поляне, а затем после скоротечной болезни умер на станции Астапово, в конце 1910 года всколыхнуло всю Россию. Поклонники его таланта и его недруги размышляли о причинах поступка патриарха русской литературы, скорбели о его кончине, полемизировали в печати о значении Толстого для русского общества. Не только столичные, но и провинциальные журналисты откликнулись на это событие. Исследование публикаций в местной печати позволяет увидеть отношение томских журналистов к событию общероссийского масштаба, оценить вклад сибиряков в его освещение.

В 1910 году Томск уже обладал разветвленной системой периодической печати, которая включала в себя официальную периодику, частные газеты различных направлений и журналы. «Толстовские дни» в России и в Томске освещались в томской прессе на страницах нескольких изданий: в официальных «Томских губернских ведомостях» и «Томских епархиальных ведомостях» (в «неофициальных отделах»), и частных – «Сибирской жизни», «Сибирском слове», «Сибирской правде»¹.

Необходимо отметить, что имя Толстого встречалось в томской прессе достаточно регулярно и до известия о его уходе из Ясной Поляны, болезни и смерти. В основном это были перепечатки общероссийских газет («Русское слово», «Русские ведомости», «Новое время»), касающиеся всероссийского писательского съезда (СЖ. 1910. 16 февр.; 15 мая); встреч Толстого – с английским журналистом (СЖ. 1910. 4 апр.), с профессором пражского университета и членом австрийского парламента Масариком (СЖ. 1910. 9 апр.) и др.; материалы об избрании Сербской академией наук Толстого «почетным академиком по отделу общественных науки и изящной словесности» (СЖ. 1910. 20 февр.), о его отказе от Нобелевской премии (СО. 1910. 22 сент.) и мн. др. В материале «Письма Л.Н. Толстого», опубликованном в «Сибирской жизни» (26 октября 1910), приводилось содержание писем писателя к депутату Челышеву (по публикации в «Русских ведомостях») и к профессору Императорского Томского университета И.А. Малиновскому (по публикации в «Речи»). «Сибирская жизнь» предварила текст письма Толстого к Малиновскому замечанием о том, что профессор послал

Толстому свою книгу «Кровавая месть и смертная казнь», после чего получил письмо следующего содержания:

«Ясная Поляна, 25 сентября 1910 г. И.А. Малиновскому.

Иоанникий Алексеевич, от души благодарю вас за присылку вашей книги. Я еще не успел внимательно прочесть ее всю, но, уже пробежав ее, я порадовался, так как увидел все ее большое значение для освобождения нашего общества и народа от того ужасного гипноза... Книга ваша, как я уверен, благодаря импонирующему массам авторитету науки, главное же – тому чувству негодования против зла, которым она проникнута, будет одним из главных деятелей этого освобождения. Такие книги, как я вчера, шутя, сказал моему молодому другу, а вашему земляку и знакомому В. Булгакову, могут сделать то, что мне казалось невозможным – помирить меня даже с официальной наукой <...>» (СЖ. 1910. 26 окт. С. 4–5).

Необходимо отметить, что вопрос о смертной казни вызывал бурное обсуждение в обществе, и многие апеллировали к имени Толстого, который был непримиримым противником этого вида наказания. Корреспондент Толстого, профессор Томского университета И.А. Малиновский, который был солидарен с писателем в его отношении к смертной казни, посвятил этой теме доклад «Смертная казнь в художественной литературе», который был прочитан 15 февраля 1910 года в Томском университете, в местном юридическом обществе. Отчет об этом мероприятии, вызвавшем большой общественный резонанс и привлечшем многочисленных слушателей, появился в двух ежедневных газетах – в «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосках», причем под одинаковыми названиями: «В юридическом обществе» (СЖ – 18 февраля 1910, СО – 19 и 23 февраля 1910). Материалы томских журналистов показывали, что мнение Толстого, «живого классика», приводилось в качестве одного из основных аргументов против смертной казни.

Особое значение для томского читателя имела информация, в которой прослеживался «томский след» в окружении Толстого. К таким относилось, например, опубликованное в «Сибирской жизни» (раздел «Томская жизнь») сообщение о том, что «кончивший томскую гимназию В.Ф. Булгаков, сотрудник нашей газеты <...> в настоящее время состоит личным секретарем великого писателя» (СЖ. 1910. 12 мая). Сообщение создавало у сибирского читателя чувство сопричастности к жизни Л.Н. Толстого, пробуждало гордость за своего земляка.

Довольно часто имя Толстого встречалось на страницах «Сибирской жизни» в связи с деятельностью издательства «Посредник». В этом издательстве выходили статьи Толстого, которые рекомендовались «общественным организациям, преследующим просветительные цели», например, в борьбе с пьянством (см., напр., СЖ. 1910. 30 марта).

В «Сибирских отголосках» информации о художественных произведениях Толстого на порядок меньше, но и здесь можно найти такие материалы, как «Новое произведение Л.Н. Толстого» (9 июня 1910) (о комедии «Долг платежом красен»).

В «Томских епархиальных ведомостях» о писателе не было никаких сведений, а вот в «Томских губернских ведомостях» имя Толстого постоянно встречается на первой полосе газеты: в «Официальном отделе», в «Циркулярах Главного управления по делам печати», – в той части, где речь шла об аресте и уничтожении книг и брошюр, в том числе толстовских «Где выход (О положении рабочего народа)» (ТГВ. 1910. 4 июля), «Единое на потребу. О государственной власти» (ТГВ. 1910. 11 авг.), «Экзекуция. Стыдно» (ТГВ. 1910. 22 авг.) и др.

И только один раз Толстой был упомянут в «Томских губернских ведомостях» в 1910 году в отделе неофициальном – в связи с антиалкогольным съездом, которому в газете была посвящена статья «Против зеленого змия» (ТГВ. 1910. 17 февр.). Автор указывает, что «думский депутат от Самары, Челышев, с благословения Л. Толстого, предлагал, в целях борьбы с народным пьянством, печатать на ярлыках водочной посуды: – Водка – яд» (ТГВ. 1910. 17 февр.).

Это средство газета называла «наивным», считая, что от водки «не ярлыками надо отпугивать», а уничтожить «этот самый яд», делать его недоступным для народа.

Таким образом, и до сенсационного известия об уходе Толстого имя его не сходило со страниц частной периодической печати не только общероссийской, но и местной, поскольку читатели живо интересовались жизнью и мнениями «живого классика». Что касается печати официальной, то информация, представленная здесь, демонстрировала неустанную борьбу правительства с произведениями Толстого путем ареста и уничтожения изданий.

Информационная картина дня постепенно стала меняться после получения известий об исчезновении Толстого. Первое сообщение достигло Томска в момент подготовки новых номеров от 31 октября – и в «Сибирской жизни», и в «Сибирских отголосках» это известие помещено только на четвертой полосе, после всех материалов. В «Сибирской жизни» это «Вечерняя телеграмма о Л.Н. Толстом (От С.-Петербургского телеграфного агентства)», в которой подробно описывается происшедшее: «Москва, 30 октября. В 4 ч. утра «Русские ведомости» получили из Тулы телеграмму, что Лев Николаевич Толстой 28 октября велел заложить лошадей и вместе с доктором Маковицким уехал в Щекино, откуда по железной дороге отправился на юг. В оставленной на имя жены записке Толстой пишет, что его тяготит обстановка жизни и что он чув-

ствуется потребность в уединении. Просит не делать попыток отыскивать его. Трогательно прощается со своим семейством и говорит, что, как истый христианин, он должен жить в мире, и ни в каком случае не вернется. Место пребывания Толстого неизвестно» (СЖ. 1910. 31 окт.).

В «Сибирских отголосках» же появилась одна строчка в рубрике «Известия за день»: «Таинственный отъезд Л.Н. Толстого. В газете «Русские ведомости» сообщают из Тулы о таинственном исчезновении Л.Н. Толстого» (СО. 1910. 31 окт.).

«Сибирская жизнь» практически сразу же отреагировала на это известие попыткой осмыслить происходящее: уже в следующем номере появляется материал, подписанный «В.Н.Л.», «Драма великой души (к исчезновению Л.Н. Толстого)», в котором автор размышляет о противоречии между тем, к чему призывал писатель, и реальным положением дел, которое, возможно, и привело к тому, что «драма великой души достигла последнего акта» (СЖ. 1910. 2 нояб.). Однако затем на первое место выходит задача информирования читателей о ходе событий: каждый номер открывается традиционным разделом «Телеграммы», в котором на первом месте теперь сообщения о Толстом, сначала под рубрикой «Вести о Л.Н. Толстом» (2, 3 и 4 ноября 1910). Причем в номере от 3 ноября сначала идут телеграммы о писателе из Калуги и только потом – телеграммы под рубрикой «Возвращение Государя из заграницы» (эта ситуация заставляет вспомнить хрестоматийный вопрос А.С. Суворина из его дневника: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее?»).

С 5 ноября 1910 года рубрика меняется на «Болезнь Л.Н. Толстого» (5 и 6 ноября 1910), а 7 ноября практически целая полоса вышла под «шапкой» «Лев Николаевич Толстой»: здесь опубликован целый блок материалов, посвященных отъезду Толстого, реакции на это событие со стороны близких и родных, знакомых и т.д. Первый материал – письмо А.К. Чертковой профессору Томского технологического института В.Н. Джонсу, которое было предоставлено «в распоряжение редакции «Сибирской жизни»; это письмо одновременно дополняло известные сведения подробностями о том, что происходило после ухода Толстого, и показало читателям «прямую связь» Томска и Ясной Поляны.

Затем был помещен «Телеграфный бюллетень о здоровье Л.Н. Толстого», а после него – «Печать о Толстом», своеобразный «дайджест», который предварялся вводкой от редакции: «Отъезд великого старца из Ясной Поляны отразился в русском обществе величайшим движением, и полученная вчера столичная почта горячо, нервно и с воодушевлением обсуждает этот неожиданный шаг, больше лишь с фактической стороны. Мы не ошибемся, если скажем, что ни одно событие со времени

1905–1906 годов не потрясало, не ошеломляло так русское общество, как то, о котором теперь идет речь» (СЖ. 1910. 7 нояб.). Завершает подборку материалов «Письмо Л.Н. Толстого» и «Отъезд Л.Н. Толстого» (восстановленная хроника происходящих событий из «Русских ведомостей»).

Газета «Сибирские отголоски» со 2 ноября стала выходить под названием «Сибирское слово» и с новой нумерацией выпусков. В первых номерах «Сибирского слова» (СС. 1910. № 1–6) информация о Л.Н. Толстом публикуется только в разделе «Известия за день», это короткие телеграфные сообщения, иногда под рубрикой «К отъезду Л.Н. Толстого» (2, 3 и 4 ноября 1910). И так же, как в «Сибирской жизни», 7 ноября здесь помещена подборка материалов под общим заголовком «Лев Николаевич Толстой (из газет)». Из них особенно любопытным является отрывок из беседы Л.Н. Толстого с писателем К.Н. Леонтьевым, состоявшейся во время посещения Толстым Оптиной пустыни. Леонтьев во время разговора «вспылил»:

«– Как это возможно, чтобы здесь в пустыни быть, где такой старец, как о. Амвросий, и говорить о своем Евангелии? Это можно разве в какой-нибудь глуши, в Томске, что ли!

Толстого эти слова обидели.

– Что же? – резко ответил он ему, – у тебя много знакомых, пиши в Петербург, может быть, сошлют меня в Томск» (СС. 1910. 7 нояб.).

В этом диалоге также обращают на себя внимание (кроме противостояния «официального» публициста, защитника реакции Леонтьева и «великого старца») два момента. Во-первых, Томск, несмотря на работу в нем трех высших учебных заведений и «приближение» Сибири к Европейской России благодаря Транссибу, в сознании россиян по-прежнему оставался классической, хрестоматийной «глушью», куда можно разве что сослать. И второе – благодаря этому он ощущался территорией свободы, где можно основать новую веру, свое Евангелие.

Известие о смерти Льва Николаевича было получено в Томске 7 ноября. Местные газеты к этому времени уже вышли и не смогли написать о кончине великого писателя. Из-за производственного графика газета «Сибирская жизнь» не вышла и 8 ноября 1910 года, зато шанс оперативно откликнуться на печальное событие получило «Сибирское слово».

Первая полоса газеты в этот день выглядела необычно: она была поделена горизонтальной линией на две части. Вверху остались традиционные рекламные материалы, а нижняя часть была «отбита» словами «Лев Николаевич Толстой» в черной траурной рамке. В центре этой нижней части был помещен портрет Л.Н. Толстого. Вокруг него расположились материалы о кончине писателя, о его жизненном и творческом пути, а в центре полосы было помещено короткое авторское вы-

ступление под заголовком «Обнажите головы...» – эмоциональное обращение публициста к читателям, в котором рефреном повторялось: «Плачь, сердце!», «Рыдай, безутешное!»:

«Перед печальной вестью обнажите головы...
Умер Лев Николаевич Толстой.
Плачь сердце!
Порвалась божественная нить, связывающая людскую пыль в единое существо человека...
Рыдай, безутешное!..
Умер великий печальник земли <...>» (СС. 1910. 8 нояб.)

Разговор о Толстом продолжался и на второй полосе газеты; здесь были использованы материалы столичной прессы, а в рубрике «Томская жизнь» было дано репортажное описание того, как реагировали томичи на печальное известие 7 и 8 ноября: здесь сообщалось о заседаниях, отмене увеселительных мероприятий, студенческих сходках и т.д.

Наконец, 9 ноября вышла и «Сибирская жизнь». Разворот газеты – 2-я и 3-я полосы – был озаглавлен «Памяти Л.Н. Толстого»; по краю страниц шла черная траурная рамка. Здесь были воссозданы события 7 ноября (подборка телеграмм Санкт-Петербургского телеграфного агентства), затем были опубликованы материалы двух томских профессоров: «Умер Толстой» И. Малиновского и «Памяти великого учителя» В. Джонса.

Малиновский делился с читателями своими чувствами, признаваясь: «Нет слов, достаточно сильных для выражения всей тяжести утраты, всей остроты боли по поводу ее. Но нельзя молчать. Нельзя не поделиться мыслями и чувствами, волнующими каждого члена великой семьи современного культурного человечества». Малиновский подчеркивал всемирное значение творчества Толстого, его общечеловеческую значимость, называл «нашей совестью, совестью современного культурного человека».

В свою очередь, профессор Джонс подчеркивал, что «каждый из нас испытал на себе то или иное влияние Льва Николаевича Толстого, одни как мыслителя, другие как моралиста, и все как величайшего художника».

Следующим материалом был поставлен биографический очерк «Жизнь и учение Л.Н. Толстого», подписанный «П. Юж-ин», затем аналитическая статья Ф. Борисенко «Величайший художник». Все это авторские материалы местных публицистов – в отличие от «Сибирских отголосков», где в основном использовались перепечатки из столичных изданий. Но и здесь есть материалы из других газет, в первую очередь, это письма – «Письмо Л.Н. Толстого» (из «Русского слова») и «Письмо

Черткова) (из «Русских ведомостей»), а также подборка известий из-за границы: «Впечатления в Европе». Завершают комплекс материалов разделы «В томском студенчестве» (обзор событий в Томске 7 и 8 ноября) и «Вечерние телеграммы».

Таким образом, «Сибирская жизнь» в освещении событий, связанных с кончиной Л.Н. Толстого, сделала упор на аналитику, на авторские материалы сотрудников газеты, пользующихся известностью и уважением в томском обществе (профессоров Малиновского и Джонса), которые к тому же были лично знакомы или состояли в переписке с Л.Н. Толстым.

Необходимо отметить, что тема, которую можно условно назвать «Толстовские дни в России и в Томске», становится в «Сибирской жизни» ведущей практически до конца 1910 года. Сначала в номерах Толстому посвящаются целые полосы, здесь размещаются броские «шапки» «Похороны Л.Н. Толстого», «О Л.Н. Толстом», «Толстовские дни в Томске», которые позволяли читателям быстро найти интересующие их материалы. Затем Толстому посвящаются отдельные материалы, но появляются они из номера в номер достаточно регулярно. Той же политики придерживалось и «Сибирское слово»: материалы о Толстом здесь выделяются на полосах более крупными заголовками, нередко в рамках.

Также обе ежедневные томские газеты посвятили толстовской теме отдельные приложения: приложение к № 7 (9 ноября 1910) «Сибирского слова» и иллюстрированное приложение к № 251 (11 ноября 1910) «Сибирской жизни».

В приложении к «Сибирскому слову» были помещены материалы «Трагедия великой души» Вяч. Севастьянова, «Шамардинский монастырь» (перепечатка из столичной газеты), «Великий скиталец» (письмо из Петербурга, подписанное «Л. Чужой») и «Одно из последних писем Толстого». В них «красной нитью» проходит мысль о трагическом разладе убеждений Толстого и его образа жизни, о его стремлении к другой жизни, которого не разделяло его окружение.

Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни» включало в себя три материала: «Страшно жить...» (подписано «Ф. Б-о»), «Л.Н. Толстой по воспоминаниям одного из знавших его» (Беседа с В.Н. Джонсом) (автор – Вс. Крутовский) и «Толстой и японцы» (подписан «И.П.»).

Первый материал носил характер размышления над феноменом буквально всемирного горя, вызванного кончиной Толстого, второй же – это воспоминание о хорошо знакомом и дорогом человеке, каким предстал перед читателем великий писатель через призму восприятия его профессором Джонсом. Здесь рассказывалось о знакомстве Джонса с

Толстым, описывались разные ситуации, в которых Толстой предстал как глубокий мыслитель и тонко чувствующий человек, передавалось его мнение о событиях 1905 года, о народном образовании и т.д.

Обращает на себя внимание подбор иллюстраций в приложении: здесь, кроме портрета Л.Н. Толстого, было дано факсимильное изображение его рукописи (с много раз перечеркнутыми строчками, как бы показывающими, как писатель размышлял над каждым словом, искал то, которое бы точнее выразило его мысль), изображение дома, в котором родился Толстой, несколько копий с картин Репина – «Толстой за работой в Яснополянском кабинете», «Толстой косит» и др. Изобразительный ряд подчеркивал основную мысль текстовых публикаций – серьезность, увлеченность делом, близость к народу Толстого.

Из последующих номеров «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосков» восстанавливалась картина того, как Россия откликнулась на кончину великого писателя: здесь помещались телеграммы и материалы о почтении памяти Толстого Государственным Советом, о реакции Государственной Думы, о студенческих сходках; публиковались известия о том, как в городах России и за границей чтит память Толстого, и так далее.

Характерно, что печальные события послужили косвенной рекламой произведения Толстого, что было замечено «Сибирской жизнью»; 24 ноября она писала: «В магазине Макушина за последнее время усиленно продаются произведения Толстого, его брошюры; особенно в ходу «Круг чтения» – изречения на каждый день, собранные Львом Николаевичем».

«Сибирская жизнь» обращала внимание читателей и на новые книги, поступившие в редакцию, среди которых были толстовские произведения «Верьте себе», «Круг чтения», все выпуски в одном томе, в переплете» и «Избранные Львом Толстым изречения Лао-тзе» (СЖ. 1910. 19 нояб.). Газета также отслеживала информацию о неизданных сочинениях Толстого (СЖ. 1910. 24 нояб.), а затем о новом издании сочинений Толстого, инициированным Литературным фондом (СЖ. 1910. 30 нояб.). Это внимание к толстовской книге стало отличительной особенностью газеты в общем информационном поле, которое формировалось в Томске в конце 1910 года.

Кроме общероссийского уровня, в газетах также была подробно представлена хроника «Толстовских дней» в Томске и в Сибири.

Необходимо сказать, что освещение событий, связанных с кончиной Толстого, стало довольно сложным испытанием для двух томских ежедневных газет: у них были практически одни и те же источники информации – телеграммы, газеты «Русское слово», «Речь», «Русские ведомо-

сти», «Биржевые ведомости», «Утро России»; журналы («Вестник Европы»). В Томске своими личными впечатлениями о Толстом могли поделиться только профессор Джонс (в «Сибирской жизни») и известный томский писатель Г. Гребенщиков (он передал для «Сибирского слова» объемный «эюд» «В Ясной Поляне» (СС. 1910. 20 нояб.). В качестве «собственных корреспондентов» выступили случайно оказавшиеся в Европейской России сотрудник «Сибирской жизни» Г. Вяткин, приславший в редакцию репортаж «Толстовские дни в Москве» (СЖ. 1910. 19 нояб) и сотрудник «Сибирского слова» М. Котляров, автор материала «Ясная Поляна, 9 ноября» (СС. 1910. 17 нояб.). Так, Михаилу Котлярову удалось побывать на похоронах Толстого в Ясной Поляне; в своей корреспонденции он описал ожидание поезда с гробом на станции, подмечая такие детали, как «медленный осенний рассвет» и «широкие, желтеющие умирающей травой долины и луга», «красные дубленые полушубки яснополянских крестьян и детей», наконец – «простой коричневый гроб»; затем шел рассказ о дороге до дома в Ясной Поляне, и – кульминационный момент корреспонденции – автор материала заходит в комнату с гробом писателя: «На фоне черной подушки так просто, трогательно и скорбно и вместе – величественно – покоится белое, с заострившимся носом лицо покойного, великого в простоте своей» (СС. 1910. 17 нояб.).

Газеты сегментировали информацию по следующему принципу: «Сибирская жизнь» сделала упор на широкий охват событий, создание многоуровневой панорамы «толстовских дней» за рубежом, в России, в Сибири и в Томске, а «Сибирское слово» пошло по пути представления разных аспектов этой проблематики и поиска необычных ракурсов. Так, в поле зрения «Сибирского слова» оказалась мусульманская печать и мусульманская община Томска (№ 18 и 24 за 1910); отдельными сюжетами стали темы «Рабочие и Толстой» (№ 10 от 12 ноября 1910), «Толстой и Сибирь» (№ 16 от 19 ноября 1910) и ряд других.

В «толстовские дни» резким диссонансом звучали голоса черносотенной прессы, и в том числе томской «Сибирской правды». В этой газете было помещено несколько материалов, связанных со смертью Толстого: «Толстой умер» Вс. Дементьева, «Два момента в жизни Льва Николаевича Толстого» (СП. 1910. 20 нояб.) и др. Здесь писатель обвинялся в ереси, характеризовался как «хулиитель церкви» и т.д. Эту же позицию заняла в конце 1910 года газета «Томские епархиальные ведомости», которая откликнулась на смерть Толстого единственной публикацией «Мысли православного по поводу смерти Л.Н. Толстого» (ТЕВ, «Часть неофициальная». II. Отдел общецерковный. 1910. 15 нояб. С. 885–887).

Наконец, официальная газета Томской губернии – «Томские губернские ведомости» – начала публиковать в неофициальной части материал «Граф Лев Николаевич Толстой» (текст был взят из официальной газеты российского государства «Правительственный вестник») (ТГВ от 17 и 21 ноября 1910), после двух номеров перепечатки прекратились.

Таким образом, «толстовская тема» в томской периодической печати на протяжении 1910 года была представлена несколькими блоками, следующими друг за другом и связанными с происходящими событиями. Первый блок – с января по октябрь 1910 года: в это время имя Толстого упоминалось в связи с его литературным творчеством, отслеживались его высказывания по поводу животрепещущих проблем русской жизни, и особенно о смертной казни; много места на страницах томских газет занимали письма Толстого, описания его встреч с разными людьми. Мнение Толстого нередко использовалось как главный аргумент в доказательстве правоты авторов.

С октября по 7 ноября газеты отслеживали известия о передвижениях Толстого – главным образом на основании телеграмм и известий из столичных газет; есть попытки местных авторов осмыслить причины ухода Толстого из Ясной Поляны.

С того времени, когда в Томске было получено известие о смерти Толстого (вечером 7 ноября), и до конца ноября «толстовская тема» стала главной в информационной картине дня. В газетах этой теме посвящались целые полосы, выходили иллюстрированные приложения. Для того чтобы провинциальный читатель был в курсе событий, газеты перепечатывали большое количество материалов из столичной прессы, таким образом давая своим читателям возможность в одном издании получить всю информацию.

Две ежедневных газеты Томска – «Сибирская и жизнь» и «Сибирское слово» – были главными «поставщиками» интересующей информации, и между ними был замечен момент конкуренции: какая газета раньше выйдет, кто раньше напишет о Толстом, найдет эксклюзивную информацию. Если в материалах «Сибирской жизни» был замечен некоторый «академический подход», обусловленный сотрудничеством в ней профессоров Императорского Томского университета и Томского технологического института, то «Сибирское слово», безусловно, издавалась в социал-демократическом духе, отсюда публицистичность, упор на демократического читателя, внимание к восприятию Толстого в рабочей среде и среди студенчества.

В целом томская периодическая печать в 1910 году представила разные точки зрения русского общества в связи со смертью Л.Н. Тол-

стого, но в большей части способствовала формированию представления о нем, как о великом русском писателе, мыслителе, философе, общественном деятеле.

Примечания

¹ **Список сокращений:** СЖ – «Сибирская жизнь», СО – «Сибирские отголоски», СС – «Сибирское слово», СП – «Сибирская правда», ТГВ – «Томские губернские ведомости», ТЕВ – «Томские епархиальные ведомости».